

“ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ” В СИБИРЬ: ПОЭТИКА “ПИСЕМ С БЕРЕГОВ ЛЕНЫ” Н.С. ЩУКИНА И “ПИСЕМ ИЗ СИБИРИ” П.А. СЛОВЦОВА*

Аннотация: Статья посвящена жанру “литературного путешествия”. Написана на материале малоизученных путевых писем о Сибири (“Письма с берегов Лены” Н.С. Щукина, “Письма из Сибири” П.А. Словцова).

Ключевые слова: жанр, путешествие, поэтика, сюжет.

Цель статьи – изучение поэтики литературных “путешествий” первой трети XIX века на материале почти не исследованных литературоведами путевых писем: “Писем с берегов Лены” Н.С. Щукина и “Писем из Сибири” П.А. Словцова.

Темы литературных путешествий, созданных в первой трети XIX века, разнообразны. Однако в этот период у литературоведов уже сформировалось достаточно чёткое представление об основных жанровых признаках “научных” и “литературных” путешествий. В журнале “Московский телеграф” (ч. 16, № 15 – август) за 1827, в отделе критики, напечатана статья, посвящённая “Письмам о Восточной Сибири” А. Мартоса [9, 267-272]. Её автор представляет читателям некий список критериев, позволяющих разграничивать “путешествия” по содержательному признаку: “...путешествия, в описаниях, могут быть только двух родов: учёные и живописные” [9, 268]. К первым критик журнала относит сочинения, принадлежащие “к одной какой-либо отрасли знаний...и автор описывает его (путешествие. – Н.И.) только относительно своего предмета” [9, 267], если же путешествие отражает “общий взгляд на природу страны, нравы жителей, степень их образованности и проч. – тогда путешествие оттеняется именем живописного” [9, 267-268].

Работы В.М. Гуминского “К вопросу о жанре «путешествий»” [2], Н.И. Ковалёвой “Литературные путешествия как жанр в русской литературе XVIII века” [5], Е.С. Ивашиной “О специфике жанра «путешествия» в русской литературе 1/3 XIX века” [4], В.А. Михельсона “«Путешествие» в русской литературе” [8], Н.М. Масловой “Путевой очерк: проблемы жанра” [6], В.А. Михай-

лова “Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях русских писателей XVIII–XIX в.в.” [7] показывают, что в первой половине XIX века жанр путешествия достиг своего расцвета, о чём свидетельствовало многообразие произведений подобного рода, как в периодических изданиях того времени, так и в отдельных сборниках путевой литературы. Путевые впечатления могли быть изложены в форме письма, дневника, записок, заметок, очерков, мемуаров, путешествия [2]. В Европе литературные путешествия получили название травелогов. Термин “травелог” возник, видимо, от английского “travel” – путешествие. Травелог в качестве синонима русскому понятию употребляется в литературоведении сравнительно недавно. Так, в книге “Подлинность и вымысел в авторском сознании русской литературы путешествий 1790 – 1840” Андреас Шёнле именует “травелогами” по большей части образцы западных “путешествий” [15, 9].

Предметом нашего исследования являются “живописные”, или литературные, путешествия.

В качестве примера “путешествий-писем” мы выбрали “Письма из Сибири” П.А. Словцова и “Письма с берегов Лены” Н.С. Щукина. Данные путевые произведения можно назвать сравнительно новым материалом для литературоведческого анализа, так как они недостаточно изучены и встречаются лишь в изданиях тридцатых годов XIX века.

Об авторе “Писем с берегов Лены” почти ничего не известно, скорее всего, это Николай Семёнович Щукин – писатель-этнограф, член Императорского географического общества, собравший обширный материал о Сибири – “сии любопытные известия об отдалённом крае Сибири...с особенным удовольствием” [16, I, 518] напечатаны в журнале “Московский телеграф” за 1829 год. “Письма из Сибири” П.А. Словцова изданы в 1826 – 1828 г.г. отдельной книгой в Москве и Петербурге, но, как отмечают издатели “Московского телеграфа” (1828 год части 21 №12), “книга не поступила в продажу. Сочинитель ея...назначил все экземпляры в подарок друзьям своим и тем местам, где приятно ему оставить по

* © Иванова Н.В.

себе знак памяти” [10, 500].

О П.А.Словцове можно найти сведения в книге А.Н. Пыпина “История русской этнографии” [12], в статьях А. Дмитриева “К полувековой годовщине смерти П.А. Словцова” [3], П. Авлова “Новое издание соч. Словцова: «Историческое Обозрение Сибири»” [1].

Из этих биографических материалов становится известной цель путешествия П.А. Словцова в Сибирь. В 1808 году он был зачислен в штат Тобольской канцелярии сибирского генерал-губернатора, в 1814 году командирован с поручением изучить присутственные места Забайкалья и Иркутской области. В 1815-1817 годах, исполняя обязанности директора училищ Иркутской губернии, Словцов посещает учебные заведения Томской, Тобольской, Казанской, Пермской и Вятской областей.

Подобные биографические сведения помогают нам понять причину содержательного и художественного различия “Писем из Сибири” и “Писем с берегов Лены”, лишь на первый взгляд похожих благодаря единству сибирской тематики.

Изображенная Словцовым и Щукиным Сибирь – это не только реальный край, но и плод авторского восприятия и воображения. При этом фигура автора играет здесь первостепенную роль.

Щукин, являвшийся членом Императорского географического общества, проявляет значительный интерес к географическому положению и природным особенностям Сибири. Он фиксирует в своём путевом письме достаточно сведений научного характера, использует географическую терминологию: “к полярному кругу; 62° северной широты; по впадающим же в Лену рекам: Киреньге, Олекме, Витиму и Алдану, уходят Тунгусы и Якуты на Яблонный хребет; олень...зверь сей летом питается травой, а зимой мохом, растущим на деревьях; в морозы обыкновенно начинает подниматься от реки и земли туман; при...реке Маче ломается лучшая белая слюда” [16, I, 518-521; II, 226-229].

Вместе с тем “Письма с берегов Лены”, помимо комплекса знаний по географии, включают в себя и авторские наблюдения по этнографии: “Тунгусы – народ сей...бродит с оленями по лесам и горам [16, I, 520], ...Тунгусы не столь безобразны лицом, как буряты; в прежние времена они вышивали лица, но ныне оставляют сие украшение. Язык их нежен и благороден, нравы просты [21, 521]”.

Принимая во внимание приведённые в письмах научные факты, читатель оценивает

аналитически осмысленный им путевой материал как информативный в теоретическом отношении, точный, проверенный на практике самим автором-путешественником в период путешествия. Включение в “Письма с берегов Лены” элементов научного стиля речи позволило Щукину усложнить сюжетную основу путевого цикла, состоящего из целого ряда писем, и значительно усилило внимание интеллектуально развитого читателя.

Приведённые примеры довольно последовательно аргументируют хорошо известное широкому кругу читателей утверждение о том, что уровень знаний, интересы путешественника, цель его поездки напрямую взаимосвязаны с тем путевым материалом, который стал предметом изображения в “путешествии”.

“Письма из Сибири” Словцова ещё раз подтверждают данное читательское наблюдение. Словцов, в отличие от Щукина, не географ, а историк. В его путевых письмах велико значение исторических фактов, которые превалируют над путевыми впечатлениями. Иными словами, путевые объекты вызывают в памяти Словцова конкретные исторические события, определённым образом с ними связанные. Для этого путешественника приоритетной становится не столько настоящая картина пути, сколько многовековая, известная нам по книгам, летописям, устным сказаниям: “...взгляну ли на катящийся Иртыш, на прилегшие окрестные пригорки, на столетнюю берёзовую рощу, на монастырскую башню, так давно покляпую, время, кажется, стоит” [14, I, 269]. Однако такое положение вещей не единственное в мировоззренческой позиции Словцова: наряду с исторической вечностью, основополагающим признаком которой можно назвать статичность, автор “Писем...” отмечает динамику временных процессов: “...я очень чувствую, как время летит...Чёрный локон белеет, бледнеет румянец, и самая мысль...изменяется” [14, I, 269]. Желание видеть и чувствовать постоянное преобразование окружающего пространства стало для Словцова, по-видимому, первостепенной причиной его отправления в путешествие: “...я не хочу расти и увянуть на одной десятине городской земли” [14, I, 270].

Правда, несмотря на то что Словцовым движет жажда новых впечатлений, профессиональная привычка автора постоянно проводить параллели с историческим прошлым отчасти лишает читателя возможности составить в сознании целостную картину реально-го путевого маршрута, а не “прочитанного”

будто бы в энциклопедическом труде. На самом деле так и есть: Словцов “противною силою любопытства отброшен был от времени настоящего к древнему, и пожелал спросить старика Иродота (Геродота. – Н.И.): какие слухи, за пять столетий до нашей эры, носились...” [14, I, 271].

Объективный подход в изучении пространственно-временной структуры “Писем из Сибири” не даёт нам права умолчать о такой важной её характеристике, как протяжённость. Экскурсы в историческое прошлое отчасти позволяют Словцову воспроизвести в “путевых письмах” такие литературно-этикетные черты, какие были присущи древнерусским летописным произведениям. Безграничность пространства “писем” задаётся некоторой автономностью этого пространства в структуре произведения. Словцов свободно применяет не столько реминисценции, сколько полные цитаты из трудов “Иродота”. Читатель понимает, что подобное цитирование необходимо автору для того, чтобы организовать процесс сопоставления путевых образов, отстоящих друг от друга более чем на два тысячелетия (“...следует понимать, что под сими горами разумели Алтай [14, I, 271], ...предание о бывалых разработках благородных металлов...не переставало тлиться в нашей Сибири [14, I, 272]”); а также затем, чтобы достигнуть через межтекстовую связь диалога культурных эпох. Подобное взаимовлияние устанавливается посредством привлечения элементов авторской надыдивидуальности, проявляющейся в созидательном литературном сотворчестве нескольких авторов. Словцов, подобно древнерусским книжникам, подчёркивает особую роль слова, он старается воспроизвести “процесс дарения” предметам названий (“...орда Остяцко-Вогульская издревле именуется Кондою, а Конда значит – *спанье*” [14, I, 273]).

Если Щукин заведомо отождествляет своё “путешествие” с действительностью настоящего времени, даже упоминает о конкретной встрече с членами “Экспедиции Норвежского Профессора Ганштеена, путешествующего по северным странам для исследования свойств магнитной стрелки” [16, II, 228], тем самым указывая не только на содержательность своих записей, но и достоверность изображаемого; то Словцов принимает на себя облик странника: “Страннический посох, с которым ходил я по Алтаю и Уралу, теперь вижу обвитым, не столько воспоминаниями, сколько тенетами. Пора обтереть его, пора уединенной мысли освежиться” [14, I,

265]. Странническое хождение – “ходил я по Алтаю” – было свойственно жанру древнерусского “хождения” XI – XIV веков, явившегося генетической основой литературы “путешествий”.

В “хождении” идеалом описания являлась “святая земля”, и в сравнении с ней иные путевые впечатления были не достойны упоминания. Такая же сюжетная аксиома, лишь внешне преобразованная, встречается в “Письмах из Сибири”. Странник Словцов превыше всего ставит историю – она является неким мерилom всех вещей, наиглавнейшим предметом изображения – его “святой землёй”. Как ни парадоксально, он “остерегается наскутить...повторением известных вещей, в Географии и Статистике помещаемых о Сибири” [14, I, 271], то есть ещё на первых страницах своего путевого произведения автор называет основным повествовательным принципом не научный, не аналитический метод изображения реальной действительности, а историографический. Так, например, Словцов не считает необходимым, помимо “высказанных оглавлений” [14, I, 271] (во II-ом письме), составивших кратчайшую запись пути “от Тобольска до Иркутска”, вдаваться в подробности описательного характера. Лаконичная форма изображения маршрута была свойственна в древнерусской литературе “путеводителям”, или “проскинитариям” [13, 9-10].

В статье Н.И. Прокофьева “О преемственной связи в историческом развитии жанров и жанровых систем”, представлена классификация литературы путешествий Древней Руси. Согласно концепции исследователя, наряду с “хождениями” – литературно-художественными произведениями очеркового характера – имели место практические маршрутные указатели – “проскинитарии”, отчёты послов о поездке за границу и о выполненных поручениях – “статейные списки” [11, 15].

Автор “Писем из Сибири” обращается к приёму художественной условности, используя глагольные формы сослагательного наклонения. Возникает иллюзия диалога путешественника с читателем, в процессе которого автор будто бы спрашивает совета: “Но, если бы я стал писать о...я не знал бы, что больше прибавить” [14, I, 270-271]. Но так как общение с адресатом возможно в подобной художественной ситуации только посредством переписки, то и путевую информацию различного характера, независимо от степени её значимости в структуре текста, путешест-

веннику приходится помещать на страницах своего произведения в полном объёме. Автор “Писем...” вступает в литературную игру с читателем, при этом у последнего возникает ощущение присутствия на месте действия. В итоге картина путешествия по сибирской земле представляет собой синтетическое полотно, основными составляющими которого стали одновременно и современность, и историческое прошлое.

Словцов желает показать читателю его “Писем...”, что пространство, окружающее человека в действительности или изображённое посредством пера и чернил на бумаге, скрывает в себе богатое внутреннее историческое содержание. Путешественник олицетворяет картину пути, воспроизводя в своём повествовании судьбу каждого отмеченного в “Письмах...” предмета: колокол “Углицкий, в 1593 году посланный на заточение в Сибирь за то, что били в него набат, при убиении Царевича Дмитрия” [14, I, 266], “серебро-позолоченный крест” кафедрального собора “он тем достопамятен, что принесён в Тобольск Киприяном, первым Сибирским архипастырем” [14, I, 266], “стальные кольчуги с рукавами и железный, до дыр проржавелый шпак, будто бы остатки Ермакова гардероба” [14, I, 267], виденные путешественником в Тобольском арсенале.

Надо сказать, что исторический принцип повествования, достаточно серьёзно рекомендовавший себя в “Письмах из Сибири” Словцова – в первом из Тобольска от 27 апреля 1814 года и во втором из Иркутска от 27 мая того же года – сходит на нет в третьем письме этого путешественника, жаждущего по приезде в Иркутск продолжить “светлый след, по которому истина ХХ-ти слишком столетий текла из Сибири до Коперника” [14, I, 274].

Как ни парадоксально, но одна из причин резкой трансформации взглядов Словцова заключается в критическом восприятии основного убеждения “историка...когда он...в слух потомства смеётся разумной наслышке” [18, 273], путешественник призывает “дивиться...в Иродоте резкому незнанию сферического умозрения...как самолюбивый Грек осмеивает великую истину, промолвленную косноязычными устами Сибири” [14, I, 273-274]. Словцов желает поделиться с читателем своим “открытием”. Автор “Писем из Сибири” ловит себя на мысли, что *нет ничего справедливее и достовернее увиденного наяву*, что информативность художественно воссозданного в путевом произведении мате-

риала является важным критерием жанровой природы “путешествия”.

Словцов реализует в своих “письмах” важнейшую жанровую оппозицию “путешествия” – “свой – чужой”, которая находит отражение в двух ипостасях. С одной стороны, автор соотносит современность и прошлое, а с другой – противопоставляет “свой тобольский мир”, знакомый с детских лет, “чужому”, расположенному за его пределами. В первом случае обозначенная дифференциация испытала качественное преобразование потому, что антитетическое соответствие “свой – чужой” изначально возникло в путевой литературе как “географическое”. Подобная замена стала необходима, так как путевое произведение всегда изображает аналитическую картину, а не фотографию.

Ранее мы говорили о проявлении в структуре I-го и II-го “писем” Словцова жанровых черт древнерусских путешествий: “хождения” и “проскинитария”. В III-ем письме мы также видим признаки сюжетного сходства подобного рода, но со “статейными списками”. Из биографических данных о Словцове мы знаем, что в Иркутске ему было необходимо выполнить деловое поручение сибирского генерал-губернатора. По образцу “статейного списка” в первой части “письма” Словцовым представлен “некоторый отчёт в переезде через часть Иркутской губернии” [14, I, 274]. Форма “списка” (в III-ем письме) – письменного перечня – похожа отчасти на “высказанные оглавления” [14, I, 271] из II-ого письма, напоминающего древнерусский “путеводитель”.

Разница здесь заключается в том, что в “перечень” вошли лишь те факты, которые явились веским аргументом к высказанному в начале “III-го письма” тезису о “благоустройстве”: “новые поселения от Канска до Нижнеудинска, дорога, почтовые станции, мосты и паровозы, каменный дом под больницу, частные пособия бедным, денежные и съестные отправления в тюремный замок, строение церквей” [14, I, 274-275] – это именно отчёт о положении дел, обусловленный чётким отбором необходимых сведений.

В “путеводителе” всё же присутствует определённый минимум информации описательного характера: “...стал писать о Таре, что она населена кузнецами;...о Томске, что там в фасадах зданий не видно ещё архитектурного ни размера, ни украшения” [14, I, 270].

Лаконизм изложения путевых впечатлений в обозначенных фрагментах II-го и III-го писем различен по своей функциональной

природе. В III-ем “письме” он продиктован жанровыми нормами расположения информации в “перечне” – “статейном списке”, а во II-ом “письме”, наоборот, состояние разочарования, желание увидеть большее (“на столь длинной линии не найти оглавлений для письма” [18, 270]), видимо, побудило путешественника избрать форму малого жанра. В первом случае путешественнику было “приятно” написать о том, что “от самой границы до губернского города благоустройство выражается во всех наружных прикосновениях” [14, I, 274] – позитивный настрой автора передан посредством риторического обращения к читателю и приёма градации: “взгляните ли на дорогу, на почтовые станции, на полицию деревень, на мосты и перевозы, вы увлекаетесь нетерпеливостью видеть начальника губернии” [14, I, 274]. Обилие однородных членов, мастерски подобранных Словцовым в данной фразе, призвано, наряду с градацией, зрительно усилить динамику перемещения путешественника в пространстве “через часть Иркутской губернии” [14, I, 274].

Одновременное присутствие фактографичности и художественной описательности в “Письмах с берегов Лены” Щукина и в III-VI “Письмах из Сибири” Словцова объединяет эти путевые произведения по принципу сходства повествовательного метода (способа изображения).

В этой связи мы говорим о правомерности использования в данном случае сравнительно-сопоставительного анализа отдельных сюжетных частей, изобразительно-выразительных средств, композиционной структуры, авторской точки зрения обозначенных выше “писем”.

Авторский подход проявляется в первую очередь в четкой дефиниции предметов изображения, заявленных в первую очередь в заглавиях настоящих “путешествий”. Именно предмет изображения становится здесь сюжетообразующим фактором.

Так географическое положение реки Лены в “письмах” Щукина определяет протяжённость пространства (линейность) и, главное, его конкретность: “в лесах Ленских водится множество белки и лисиц; по впадающим же в Лену рекам; Лена есть северный рубеж огромной Империи Чингис-Хана; летом нет ничего прелестнее берегов Лены; станции, которые устроены лет 40 назад...расположены преимущественно по левому берегу Лены” [16, I, 518-520]. Лена – это та водная артерия – сюжетная нить, стержень, – на которой “нанизаны”, а также с которым прямо

или косвенно связаны основные путевые впечатления автора.

Название – “Письма из Сибири” – более обширно в сравнении с предыдущим (“Письма с берегов Лены”), но вполне оправданно, так как данные “письма”, образующие цикл, по своей тематике действительно охватывают всю территорию Сибири. “Письма...” Словцова расположены в хронологической последовательности с точным указанием места написания (“В Тобольске, в Иркутске, в Троицко-Савске”) – это один из основополагающих признаков “путевого дневника” и “путевого журнала”, в которых форма записи характеризуется такими важными чертами, как периодичность, регулярность ведения записей, несколько спонтанный характер записей, неопределённость адресата. Мы отмечаем в композиции цикла “Писем из Сибири” такой структурный компонент, как дневниковость.

Периодичность записей в “письмах” Щукина и Словцова определяется разными факторами. Щукин-географ руководствуется пространственной протяженностью (возможно, картой), а Словцов-историк – пространственно-временной. При этом Щукин достигает к тому же логической сюжетной последовательности путевого материала в повествовательной цепи “писем”. Так, первое “Письмо с берегов Лены” заканчивается фразой: “В ведомстве Киренского Исправника считается Тунгусов около тысячи душ” [16, I, 521]. Второе же начинается с сообщения о том, что “до Киренска считается от Иркутска около 1000 вёрст” [16, II, 226]. В “письмах” Словцова мы обнаруживаем синтетическое единство логической последовательности с хронологической обусловленностью. Второе и третье “письма” связаны логически, и одно является прямым продолжением второго: “Поздравьте меня с желанным приездом в Иркутск” (конец II-го письма [14, I, 274]) и “Мне приятно дать вам некоторый отчёт в переезде через часть Иркутской губернии” (начало III-го письма [14, I, 274]). Порядок следования третьего и четвёртого “писем” определяется законами хронологии: “30 мая и 3 июня 1814 года”.

В повествовательной структуре литературного “письма” значительная роль принадлежит авторским “комментариям”, специфической особенностью которых закономерно считать их коммуникативный характер. Форма воображаемого (условного) диалога путешественника с читателем (адресатом) выполняет здесь функцию внешней

повествовательной рамки, обрамляющей весь текст произведения как единое композиционное целое.

Роль внутритекстовых адресатов в “литературных путешествиях” эпистолярного характера велика. Повествователь разделяет их на “просто” читателей, представляющих собой собирательный образ, и “друзей” путешественника, чаще всего персонифицированных. В “Письмах с берегов Лены” Щукина – это “любезный друг” [16, I, 518], в “Письмах из Сибири” Словцова – “вам, вы” [14, I, 271, 280], то есть “сыны знаменитого Сибирского Купечества” [14, I, 265], которым путешественник и посвящает свои “Письма...”.

Образы адресатов в данных примерах различны: первому присуща конкретность, второму – обобщённость. Щукин упоминает об отдельных событиях совместного биографического прошлого героя-путешественника и его друга: “Я помню..., что понятия твои о Сибири не простираются далее Иркутска, о котором я сообщал тебе некоторые сведения” [16, I, 518]. Несмотря на то что настоящие воспоминания находятся за пределами композиционной рамки “писем”, в то же время они помогают путешественнику установить внутри сюжета путевого произведения художественную атмосферу дружеской переписки. Такая форма позволила автору имитировать “свойства неприготовленного, непринуждённого, безыскусственного сочинения” [15, 11]. Данная литературная ситуация неофициальной беседы, мастерски переплетённая с научной фактографичностью (о ней мы писали выше), представляет собой образец художественной выразительности.

Образ путешественника Словцова в большей степени, нежели Щукина, абстрагирован от читательской аудитории. Однако такое заключение лишь на первый взгляд правомерно. Сюжетное решение обобщённости, стилистической (“четвёртый год уже течёт; не переставало тлиться в нашей Сибири; всегда валяющихся в тёмных разгородках; земля опоясывается океаном” [14, I, 265, 272, 273]) и содержательной историчности говорит читателю о высоком уровне интертекстуальных связей в “Письмах из Сибири”, что свидетельствует о большой доле “вымышленного, а следовательно, и литературного” [15, 12] в их повествовательной структуре.

В заключение необходимо подчеркнуть высокий уровень литературности “Писем с берегов Лены” и “Писем из Сибири”. Во-первых, в этих “путевых письмах” присутствует сложная композиционная и сюжетная

структуры; во-вторых, усилена фигура автора – он одновременно и повествователь, и рассказчик, и литературный герой; в-третьих, значительно преобразована функция заглавия, определяющего в данном случае сюжетостроение и отбор путевой информации. Таким образом, настоящие путевые произведения подтверждают достаточно распространённое среди литературоведов мнение (В.М. Гуминский [4], Е.С. Ивашина [7]) о том, что одной из основных жанровых идей “путешествий” в русской литературе была осознана идея свободы. Отсюда проистекало понимание “путешествия” как произведения литературного, обладающего максимумом художественных возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авлов П. Новое издание соч. Словцова: Историческое обозрение Сибири / Восточное обозрение, 1886, № 38.
2. Гуминский В.М. К вопросу о жанре «путешествий» // Филология. Вып. 5. МГУ. – М., 1976.
3. Дмитриев А. К полувековой годовщине смерти П.А. Словцова / Пермский край. – Пермь, 1893. Т. 2.
4. Ивашина Е.С. О специфике жанра «путешествия» в русской литературе 1/3 XIX века // Вестник МГУ. Сер. IX. Филология. – М., 1979. – № 3. – С. 3-16.
5. Ковалёва Н.И. Литературные путешествия как жанр в русской литературе XVIII века. – Томск, 1975.
6. Маслова Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра. – М., 1980.
7. Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях русских писателей XVIII – XIX вв. // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1999.
8. Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. – Ростов-на-Дону, 1974.
9. Письма о Восточной Сибири А. Мартоса / Московский телеграф. – М., 1827. – Ч. 16. – № 15.
10. Письма из Сибири. 1826 года / Московский телеграф. – М., 1828. – Ч. 21. – № 12.
11. Прокофьев Н.И. О преемственной связи в историческом развитии жанров и жанровых систем // Литература Древней Руси. – М., 1996.
12. Пыпин А.Н. История русской этнографии. – СПб., 1892. – Т. 4.
13. Решетова А.А. Древнерусская паломническая литература XVI-XVII веков (история и поэтика). – Рязань, 2006.
14. Словцов, П.А. Письма из Сибири / Московский телеграф. – М., 1828. I). Ч. 20 № 7, II). Ч. 21 № 10.
15. Шёнле Андреас, Подлинность и вымысел в авторском сознании русской литературы путешествий. 1790 – 1840 / Пер. с англ. Д. Соловьёва. – СПб., 2004 (Современная западная русистика, Т. 51).
16. Щукин Н.С. Письма с берегов Лены / “Московский телеграф”. – М., 1829. I). Ч. 27. № 12, II). Ч. 28 № 14, III). № 15, IV). Ч. 29. № 20.

N. Ivanova

«LITERARY TRAVELS» TO SIBIRIA: POETRY OF «LETTERS FROM COAST OF LENA» BY N. SHCHUKIN AND «LETTERS FROM SIBIRIA» BY P. SLOVTCOV

Abstract: Article is devoted by genre of

“literary travel”. It was written with materials of unstudied traveling letters about Siberia (“Letters from coast of Lena” N. Shchukin, “Letters from Siberia” P. Slovtcov).

Key words: genres, travel, poetry, plot.

УДК 821.161.1.09

Краюшкина Н.Н.

«НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ» В КОНТЕКСТЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НАЧАЛА 1830-Х ГОДОВ*

Аннотация: В 1830-е годы интерес к Пушкину значительно упал. Однако обстоятельства такого падения серьезному анализу не подвергались. В ходе исследования реакции читателей на публикацию стихов «На взятие Варшавы» мы пришли к выводу, что осенью 1831 года литературная репутация Пушкина переживает перелом. Его авторская деятельность начинает ассоциироваться – впервые не без основания – с идейной позицией власти.

Ключевые слова: Пушкин, литературная репутация, «Клеветникам России», «Бородинская годовщина».

Ни одно произведение Пушкина не вызвало таких противоречивых оценок, как стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», вышедшие в брошюре «На взятие Варшавы» вместе со стихотворением Жуковского «Старая песня на новый лад». В «Письме приятелю в Симбирск» Ф.Ф. Вигель писал следующее: «Вспомним стихи Пушкина «Клеветникам России» в 1831 году. С каким живым участием рукоплескали им в Петербурге; в Москве же, знаешь сам, названы они огромным пятном в его поэтической славе. Увы! Не только какое-нибудь выражение верноподданнического чувства, малейшая похвала России почитается здесь раболепством» [РА: 1893, II, 581-582]. Мысль о том, что Пушкин забыл о своей поэтической независимости и продался государству, лежала на поверхности, тем более что публикация патриотических стихов примерно совпала по времени с присуждением Пушкину звания придворного историографа «с хорошим окладом». Об этом говорили, и, конечно, многие связывали одно с другим. 26 сентября А.И.

Тургенев пишет Н.И. Тургеневу о встрече с Чаадаевым в Английском клубе, где «спорили о достоинствах стихов Пушкина и других, здесь во всю неделю читались всеми, – «На взятие Варшавы» и «Послание клеветникам России»... Александр Пушкина точно сделан биографом Петра I и с хорошим окладом, но ни он, ни Жуковский мне об этом не пишут, а слышу здесь от других» [Летопись: т. 3, 391]. О голосах, раздающихся против Пушкина, говорят в своих письмах Хвостов и Чаадаев: (перевод письма П.Я. Чаадаева от 18 сентября 1831 г.) «Я только что прочел ваши два стихотворения. <...> Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание. <...> Не все здесь одного со мною мнения, вы, конечно, не сомневаетесь в этом, но пусть говорят, что хотят, а мы пойдём вперед <...>» [Пушкин: т. 14, 439].

Д.И. Хвостов – Пушкину от 24 октября 1831: «Но убедаясь в печальной истине опытом, что развращенные сердца завистливых крамольников ожесточены и слухи их не внемлют прелестей гармонии сынов Аполлона, я ограничиваюсь желанием, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительно воспевала богатырей русских давнего и последнего времени» [Пушкин: т. 14, 237].

Известно несколько отзывов, авторы которых увидели в стихах Пушкина измену поэтическим идеалам и угождение власти. Близкий знакомый князя Вяземского Г.А. Римский-Корсаков говорил, что после появления «Клеветникам России» отказывается «приобретать произведения Русского Парнаса» [ЛН: т. 58, 18].

Н.А. Мельгунов пишет С.П. Шевыреву 21 декабря 1831 года: «Мне досадно, что ты хвалишь Пушкина за последние его вирши <«Клеветникам России» и «Бородинская го-

* © Краюшкина Н.Н.